

АКТУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ В 1990-е годы

С. В. Борисов

БОРИСОВ Сергей Викторович, кандидат философских наук, президент Нижегородского исследовательского фонда.

"ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ РЕГИОНА": СМЫСЛ ПОНЯТИЯ

(Введение в проблему)

Особенностью современного этапа исторического существования России — особенностью отнюдь не скоропреходящей — является очевидная для всякого непредубежденного наблюдателя неочевидность констант, какие были предложены обществу в качестве предельных оснований его политического бытия... В самом деле: случившийся в 1991 г. резкий слом предшествующего хода событий — болезненного и неперспективного, однако развертывавшегося как бы "естественно", в режиме размеренной самодетерминации — сверх меры ускорил политическое развитие страны и, тем самым, отчасти деформировал его. Общество попало в ситуацию недостаточно вызревшего исторического выбора — и столкнулось с такой трудной альтернативой, с такой дилеммой, когда наиболее привычные и уже в силу этого в большей степени ресурсно обеспеченные варианты развития оказались для него непривлекательными, а, в свою очередь, наиболее привлекательные — недостаточно освоены в массовом духовном обиходе, равно как и в предметной политической практике. И судьбоносный исторический выбор, в результате, делался вынужденно, в форсированном режиме и в значительной степени "наобум" и "на глазок"..

В замысел настоящей статьи не входит ни обсуждение, ни оценка продуктивности и перспективности сделанного в конце концов выбора, да, кажется, и не пришло еще время для окончательных выводов на этот счет. Но, как бы то ни было, можно совершенно определенно констатировать следующее: и институциональное строение, и нормативно-правовая ткань сконструированной и легитимизированной в 1990-е годы политической системы страны, вместе с соответствующей системой базовых постулатов-ценностей, — все это для России было и остается по сей день "одеждой на вырост".

В полной мере относится данная констатация и к масштабному проекту федерализации государственного устройства России, изначально заявленному в качестве одного из ключевых пунктов всей программы политической модернизации страны.

... Разумеется, никто и не рассчитывал на то, что достаточно конституционной декларации, чтобы превратить Россию в федеративное государство. Федерализация традиционно унитарного государства, да еще с имперской наследственностью, — замысел по определению нетривиальный, осуществимый лишь в процессе заведомо постепенном, ступенчатом — "поступенчатом", если можно так выразиться, — таком, который предполагает соответствующим образом выстроенную и соответствующим содержанием наполненную политику. Но вот в том-то как раз и дело, что реально проводимая центральной властью политика федерализации, а равно и ее программно-аналитическое сопровождение, на взгляд автора, с самого начала страдали явной односторонностью: усилия в рамках этой политики, как нетрудно заметить, были и остаются направленными — по большей части и главным образом — на установление и поддержание определенных (допустим даже, подлинно федералистских) отношений между институтами центральной и региональной власти.

Между тем в деле федерализации государственного устройства России существует более важная и, кстати, более сложная задача, независимо от того, какую конкретно модель федерализма могли иметь в виду авторы действующей российской Конституции: воплощение в жизнь любой модели предполагает формирование качественно новых политических образований (сообществ), каковыми, по определению, не могут не быть подлинными субъекты подлинной федерации.

, Принципиально важно подчеркнуть в данной связи, что те территориальные образования в составе бывшей РСФСР, которые сейчас конституированы как субъекты Федерации и рассматриваются в качестве основного уровня региональности, до 1991 г. не представляли и не могли представлять собой собственно политические сообщества. Декоративно-камуфляжный характер российского федерализма советского периода практически не оставлял пространства для политического развития республик, краев и областей в составе РСФСР — в институциональном ли, нормативно-правовом, или же, равным образом, программно-идеологическом отношении.

Процесс трансформации административно-территориальных образований в политические сообщества, впрочем, начался: с формальной точки зрения, он начался с момента распада СССР; некоторые из этих образований в составе бывшей РСФСР, а именно национально-территориальные, оказались вовлечены в него даже раньше — через участие в новоогаревских переговорах и в подготовке так и не состоявшегося Союзного договора. Затем именно политический статус российских регионов закрепила и акцентировала уже Конституция 1993 г.

Однако, что касается полноценного предметного атрибутирования этого статуса, то такой процесс в целом еще только разворачивается. И, как показывает знакомство с региональными политическими практиками, он идет в Российской Федерации неравномерно и несинхронно: если в ряде регионов властная система по своим институциональным и процессуальным параметрам приближается к стандартам политического сообщества, то в других регионах этот процесс предстает заторможенным, а в некоторых он фактически свернут или сведен к имитации.

Различия в направленности и интенсивности процесса политизации регионального бытия от региона к региону на сегодня настолько значительны, что позволяют выдвинуть гипотезу о своеобразной перманентной "недосубъектности" (термин П. В. Смирнягина) иных субъектов Федерации. Как бы то ни было, ни в одном из регионов этот процесс еще не подошел к завершающей стадии.

Но тем он, в особенности, и интересен для науки. Замечено неоднократно и вполне справедливо, что убеждение в необходимости того пристального внимания, какое уделяет современная российская научно-гуманитарная мысль политическому развитию регионов, обосновано со всех точек зрения: исторической, методологической, прикладной; добавим, что региональное Измерение политической жизни современной России значимо как само по себе, так и в общем комплексе политических, в том числе макрополитических, факторов. И пусть подвижность предмета затрудняет задачу исследователя, зато она подогревает его творческие амбиции...

Разумеется, исследуя политическую практику в конкретном российском регионе, необходимо отдавать себе отчет в хронической промежуточности и неокончателности описываемого и анализируемого положения дел. Кроме того, мы сталкиваемся здесь с естественной — связанной с характеристиками бытия самого объекта — ограниченностью исторической глубины возможного диахронного сравнения; в самом деле, ведь всесторонне сопоставлять систему управления административно-территориальной единицей и политическую систему субъекта Федерации — некорректно.

Наконец, не забудем, что исследования социальных объектов мезоуровня всегда требуют особой методологической тщательности. Так, при описании и анализе региона — как политического сообщества мезоуровня — необходима особенная

осмотрительность в использовании понятийного аппарата "большой" политологии: такие ее основополагающие категории, как "политическая система", "политические отношения", "политический процесс", "политическая деятельность", "политический режим" и т. п., не могут механически переноситься с макро- на мезосоциальный уровень. Их адаптация к реалиям региональных политических практик требует тонкой и кропотливой настройки, и, скорее всего, не в форме умозрительных терминологических штудий, но в ходе непосредственной систематичной работы по интеллектуальному освоению огромного и непрерывно пополняющегося массива эмпирического материала.

В свете сказанного представляется не случайным, что в последние два-три года и в лексиконе экспертов по региональной политике все решительнее утверждается понятие "политический режим", давно и прочно укорененное в понятийном аппарате политических исследований, хотя и не в равной степени признаваемое всеми школами; известно, во всяком случае, что в упомянутом понятийном аппарате именно оно - среди всех понятий, претендующих на универсальность и общепотребительность, - обладает наибольшей гибкостью и адаптивностью. И, по всей вероятности, именно с его помощью корректное использование общепринятых методологических принципов политических наук становится совместимым и на сегодняшний день оптимально сочетаемым как с многообразием и разнокачественностью частных исследовательских задач, решаемых в рамках современной российской регионалистики, точнее — политической регионологии, так и с неизбежной разнокачественностью используемого при этом инструментария.

Еще одна усложняющая задачу аналитика трудность методологического свойства, с какой он сталкивается при характеризовании политической жизни в регионе — субъекте РФ, состоит в том, что ему приходится иметь дело с причудливым, неклассическим, часто — противоречивым, сочетанием постоянных и переменных факторов. Ибо в период фундаментальных изменений, когда структурные основания анализируемой политической жизни пластичны, а долгосрочные тенденции не успевают проявить себя развернуто, в адекватной форме, — именно временным, ситуативным факторам начинает принадлежать существенная или даже решающая роль в каузальном базисе политической жизни региона. Все это делает в большей мере условными выявляемые аналитиком характеристики и в большей мере предположительными его выводы и служит, кстати сказать, дополнительным аргументом "за" в том, что касается целесообразности широкого использования понятия "политический режим региона". (Оно открывает, например, возможность пользоваться разнообразными компаративными процедурами и в ходе их сравнивать те или иные соответствующие стороны политической жизни регионов, типологически отличающихся друг от друга или же находящихся на разных стадиях политического развития.) Характеризуя именно политический режим в конкретном регионе, мы вправе гибко, вариативно подходить к проблеме ранжирования его (региона) модельных, системообразующих характеристик и отбора среди них тех, что оказывают ключевое влияние на ход и способ протекания политических процессов.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВАНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ

РЕЖИМОВ

(К методологам исследования)

Основания, на которых могут реально выстраиваться — и выстраиваются — региональные политические режимы (и которые, соответственно, порождают длинный ряд могущих быть присущими этим режимам характеристик), многочисленны и разнообразны.

Первый шаг к их классификации должен, по нашему мнению, состоять в том, чтобы все эти основания (а в качестве таковых выступают признаки, или критерии, актуальные для бытия региона как в той или иной мере сложившегося политического сообщества) разбить на три группы: (I) общеродовые — значимые для любых

регионов; (II) особенные — актуальные для определенных групп регионов; (III) единичные — отражающие неповторимость конкретного регионального бытия.

В свою очередь, при исследовании наличных региональных политических режимов как частных случаев необходимо и возможно всякий раз внутри каждой из этих трех групп оснований (признаков, критериев) выделять те, которые являются наиболее актуальными для данного случая — *hic et nunc* (здесь и теперь).

При таком методологическом и методическом подходе в качестве отправной гипотезы для конкретных исследований как раз и выступали бы устойчивые представления о первой из этих групп — о группе общеродовых оснований региональных политических режимов. Разумеется, такие представления несут на себе печать априорности и конвенциональности. Но если эти "родимые пятна" и неустранимы, то их вероятное искажающее воздействие на ход и результаты исследований поддается смягчению за счет готовности в любой момент скорректировать исходную гипотезу. (Это особенно важно в условиях России - страны, состоящей из регионов многочисленных и бесприммерно разнообразных, где любая их типология в любой момент может быть оспорена или, по крайней мере, представлена как неполная.)

Подступаясь к характеристике политического режима в конкретном регионе — субъекте Федерации, а именно в Нижегородской области, автор опирается на собственный исследовательский опыт продолжительного включенного наблюдения за региональным политическим процессом, на совместную — с коллегами по Нижегородскому исследовательскому фонду — насыщенную практику дискуссий и размышлений пяти последних лет, а также на опубликованные в России материалы сравнительных кроссрегиональных исследований (1).

Среди последних особое значение для автора по понятным причинам имеют результаты недавно завершившегося двухлетнего международного проекта, в рамках которого творческая группа Нижегородского исследовательского фонда под руководством автора провела компаративное исследование политической системы шести регионов — субъектов Российской Федерации (2). Выбор регионов в качестве объектов изучения (а ими стали Нижегородская, Пензенская, Ульяновская и Саратовская области, Республика Татарстан и Мордовская Республика) осуществлялся таким образом, чтобы в их число попали те, что обладают неповторимым набором выраженных типологических особенностей, каждая из которых в отдельности, однако, встречается еще хотя бы раз, благодаря чему исследователи в меньшей степени рисковали принять аномальное проявление за типическое.

Ключевым этапом исследовательской деятельности в рамках проекта стал опрос региональных экспертов по всем главным аспектам развития политической системы их регионов. Полученные результаты позволили отобрать те критерии, на основе которых, по нашему мнению, возможно давать корректные описания и интерпретации политического режима в любом российском регионе на любой стадии его развития как политического сообщества — "здесь и теперь". Таких базовых критериев оказалось четыре: (1) происхождение правящей группы; (2) количество и субординация центров (полюсов) политического влияния; (3) состояние гражданского общества как инфраструктуры регионального политического процесса; (4) статус региона *вовне*.

Характеристика политического режима конкретного региона, составленная на основе четырех заявленных критериев, хотя и не будет исчерпывающей, позволит, однако, сориентироваться в море эмпирического материала и заложить основу для его структурирования и иерархизации. Она, в любом случае, заслуживает того, чтобы стать основным итогом первого этапа исследования политического режима региона.

В нашей работе по международному проекту в результате анализа отчетов экспертов, а также других материалов, собранных в ходе исследования, выяснилось, что именно указанные четыре критерия в каждом конкретном случае, т. е. в каждом из

исследовавшихся шести регионов, входят в разряд первостепенных системообразующих оснований регионального политического режима.

Вслед за тем можно приступать ко второму этапу описания регионального политического режима. Этот второй этап должен, по нашему мнению, состоять в обращении к тем типологическим характеристикам региона, которые, во-первых, не подвержены влиянию конъюнктуры, будучи обусловлены факторами, объективированными продолжительным историческим развитием, а во-вторых, могут послужить основанием для отнесения данного региона к какой-либо устойчивой группе родственных регионов, т. е. таких, чья политическая жизнь протекает под определяющим воздействием тех же факторов. Сложность отбора таких факторов заключается не столько в том, что их круг широк, сколько в том, что он разнороден: в него необходимо включать не только факторы собственно политические, но также и географические, исторические, экономические, социокультурные, этнические и т. п. Разумеется, они должны интересовать нас не сами по себе, а как предметные, содержательные предпосылки (причины, условия, стимулы, даже последствия и т. п.) политических явлений и процессов. (Например, группа пограничных регионов в первом приближении составляется по критерию географическому, однако знакомство с политической ситуацией в любом из них быстро обнаружит специфическое — и притом существенное — влияние самого факта пограничья на сложившийся там политический режим.) Обширность и многослойность массива факторов, предопределяющих характер политического режима в регионах, принадлежащих к какой-либо сложившейся группе, делает задачу их систематизации и ранжирования предельно творческой и осложненной высоким риском промаха. Чтобы снизить этот риск, необходимо, как нам кажется, сконцентрировать внимание прежде всего на тех условиях, чья каузальная природа многогранна, а воздействие на региональную действительность разносторонне. Такие факторы, во-первых, не могут быть случайными, а, во-вторых, их в принципе не бывает много.

Наконец, на третьем этапе возможно и необходимо обратиться к тем особенностям политической жизни региона, которые характеризуют его как неповторимый, единичный феномен. Такие особенности могут быть либо следствием исключительных условий существования региона, либо продуктом тех девиаций развития, которых всегда немало в истории, тем более — политической.

ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

I. ОСНОВАНИЯ ОБЩЕРОДОВЫЕ, ИЗ ЧИСЛА ЗНАЧИМЫХ ДЛЯ ЛЮБЫХ РЕГИОНОВ

Представленную методологию нам теперь надо будет применить к конкретной задаче — аналитическому описанию и интерпретации становления и развития политического режима в Нижегородской области. Видимо, нет нужды специально обосновывать хронологические рамки обзора. Именно 1990-е годы в России — не просто период (точнее сказать, эпоха) глобальной модернизации, но и, как уже сказано, время превращения регионов — субъектов Российской Федерации в политические сообщества, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

1. Происхождение правящей группы

Употребление в данном контексте понятия "правящая группа" - а не "политическая элита" или, скажем, "властвующий истеблишмент" — вовсе не случайно. По нашему мнению, именно это понятие, более гибкое, более локальное и более персонифицированное, точнее отражает суть того коллективного актора, который в современных российских регионах выступает основным центром политической жизни и надинституциональным носителем властной воли. (Не сходящий в последние годы с газетных страниц термин "партия власти" кажется автору лишь публицистической метафорой, нежелательной в теоретическом анализе, поскольку она не раскрывает, а, скорее, запутывает суть дела.)

Сложившийся на сегодняшний день политический режим в Нижегородской области не вполне типичен по рассматриваемому признаку. Если в подавляющем большинстве регионов костяк правящей группы формировался из тех или иных прослоек советской партийно-хозяйственной номенклатуры — это могли быть ее первый или второй эшелоны, комсомольская, директорская или даже маргинальная номенклатура, — то здесь социальный субстрат, из которого она сложилась, можно определить разве что как "разночинский". Траектории карьерных биографий представителей политико-административного управленческого корпуса — этого эпицентра формирования правящей группы в регионе — предельно разнообразны: здесь и выдвиженцы первой демократической волны, и советские чиновники среднего (и выше) уровня, и деполитизированные специалисты-технократы. Истоки подобной кадровой пестроты восходят к периоду формирования областной администрации в конце 1991— начале 1992 г., когда назначенный ее главой тридцатидвухлетний народный депутат РСФСР, физик и радикальный демократ Борис Немцов решал проблему заполнения аппарата исполнительной власти. Из-за явной недостаточности собственных кадровых ресурсов Немцов был вынужден использовать самые разные источники; а часть назначений была попросту вынужденной — по причине отсутствия приемлемых альтернатив. Пять человек из нижегородской делегации РСФСР были приглашены на руководящие посты в администрацию главным образом потому, что Немцов знал их по совместной парламентской деятельности. В дальнейшем кадровая политика губернатора сохранила импровизационный характер, в результате чего формирование руководящего состава областной администрации и прямо или косвенно подконтрольных ей властных структур происходило ситуативно, без признаков системности. Это сохранило "разночинское" лицо нижегородской власти, тем более что и состав представительных органов и области, и региональной столицы — вот уже в третьем созыве — неоднороден с точки зрения социального статуса.

По мере укоренения нового режима происходила, впрочем, рутинизация его кадрового состава: нововыдвиженцы либо вытеснялись из властных структур, либо сами превращались в обыкновенных чиновников; принципы субординации и чиновной дисциплины снова начинали доминировать над новационными интенциями; социометрические параметры региональной элиты в целом и управленческого корпуса — в частности, оказывались все ближе к значениям, соответствующим традиции и нормам обыденности. Эта тенденция получила свое логическое завершение после избрания в 1997 г. губернатором области И. Склярова. Кадровая политика нового губернатора в значительно большей степени отмечена чертами традиционной номенклатурной культуры. Кроме того, те персонажи, чье присутствие в составе правящей группы не обусловлено соответствующим положением в чиновной иерархии, уже почти не попадают в нее по личным качествам, а только по статусу — экономическому, политическому, общественному.

Тем не менее исходная социально-генетическая разнородность правящей группы и ее ближайших резервов уже оказала необратимое воздействие на процесс формирования политического режима в области и в силу этого продолжает оставаться его важной характеристикой.

2. Количество и субординация центров (полюсов) политического влияния

Данный — второй — критерий является вполне привычным и примелькавшимся в классических политических теориях, и, видимо, нет нужды доказывать целесообразность его использования также и в нашем случае, но полезно еще раз подчеркнуть, что политические режимы в российских регионах все еще переживают фазу становления, и их нынешнее состояние следует рассматривать как переходное. Именно под этим углом зрения надо, очевидно, воспринимать и генеральную тенденцию развития политико-административной системы в субъектах РФ в 1990-е годы (особенно выпукло проявляющуюся с 1994 г.), каковою — и это принципиальный для нашей темы факт — является формирование и утверждение режимов регионального авторитаризма.

Этот региональный авторитаризм представляет собой кальку со сложившейся структуры центральной власти, однако притом он еще усилен неискоренимыми

административно-патерналистскими традициями уклада жизни российской провинции. На нынешнем историческом этапе регионально-авторитарная тенденция отражает и конституирует процесс становления социально-экономического строя государственного капитализма в России.

В 1996 г. автору уже приходилось давать характеристику режиму регионального авторитаризма (3). С учетом же нового опыта эта характеристика содержит следующие моменты: (7) доминирование исполнительной власти над представительной на всех уровнях; (2) преобладание принципа корпоративизма в кодексе поведения субъектов политических отношений; (3) допущение властью усиления иных центров экономического и политического влияния в строго контролируемых ею пределах; (4) прямой или косвенный контроль над региональными СМИ, прежде всего электронными; (5) устойчивый контракт с центральной властью, включающий в себя формальные и неформальные гарантии взаимной лояльности; (6) широкое использование популистского инструментария в отношениях с населением.

В самом наборе указанных черт режима регионального авторитаризма Нижегородский регион не стал исключением, хотя — с учетом идейно-политического лица его статусных лидеров (в первую очередь, это бывшие руководители области Борис Немцов и Евгений Крестьянинов, а также бывшие руководители Нижнего Новгорода Дмитрий Бедняков и Александр Косариков) — в нем реализовалась либерально-популистская версия такого режима. Важным элементом его конструкции стала харизма Бориса Немцова — одного из наиболее заметных политиков нынешней России, удачливого выдвиженца демократического движения (да простится нам эта невольная тавтология) конца 1980-х — начала 1990-х годов (подробнее о нем см. ниже). При наличии столь деятельного, честолюбивого лидера политическая система региона приобрела характерный для авторитаристских конструкций пирамидальный вид — не столько под воздействием аппаратных методов, сколько в процессе публичного политического самоутверждения Б. Немцова и его ближайшего окружения. (Процесс иерархизации правящего слоя, надо заметить, сопровождался серьезными — хотя и более или менее латентными — конфликтами, пик которых пришелся на конец 1993 — начало 1994 гг. Наиболее громким из них был конфликт губернатора Б. Немцова и мэра Нижнего Новгорода Д. Беднякова (4). Последствия этого конфликта до сих пор разнообразно сказываются в политической жизни региона.)

К числу наиболее закономерных последствий авторитаризации политического режима следует отнести окончательное складывание вокруг губернатора Немцова (приблизительно к концу 1993 г.) того, что с легкой руки журналистов стало с некоторых пор принято называть "партией власти", т. е. неформального альянса отдельных представителей наиболее влиятельных, элитогенных корпораций: исполнительной и представительной властей; региональных "силовиков"; распорядителей (в современных российских условиях, как известно, не всегда уместно говорить о владельцах, в смысле — собственниках) торгового, банковского и промышленного капиталов; руководителей СМИ. Была даже предпринята оригинальная попытка конституировать это объединение в правовой форме: в конце 1993 г. в тесной связи с избирательной кампанией был создан общественной фонд "Выбор". Фонд финансировал предвыборные кампании Немцова и Крестьянинова, баллотировавшихся в Совет Федерации, и шести кандидатов в Государственную Думу по нижегородским округам. В правление Фонда входило двадцать с небольшим человек, практически и являвших собою в полном составе "партию" губернатора. (Вскоре после выборной кампании, в которой, кстати, фонд действовал достаточно эффективно, проведя четырех кандидатов из шести, он фактически прекратил существование. Это произошло главным образом из-за двусмысленности самого его существования: формально не имея никакого отношения к легитимным органам власти, фонд в действительности брал на себя целый ряд их функций.)

Вообще, с точки зрения институционального развития политической системы региона в рассматриваемый период, наибольший интерес представляют именно взаимоотношения конституционных и внеконституционных управленческих структур. В этой связи обращает на себя внимание перманентное тяготение первых лиц к созданию некоего эрзаца бюро обкома советских времен для решения

принципиальных вопросов в узком, закрытом кругу. Известно, что неономенклатурное руководство во многих регионах часто реконструирует, осознанно или неосознанно, прежние - советские - структуры и механизмы власти. Но нижегородский опыт заставляет бросить на это явление более широкий взгляд, т. к. соответствующая практика была инициирована руководителями не номенклатурного происхождения. Еще до фонда "Выбор", в 1992 г., в области был создан так наз. Координационный Совет, в который вошли четыре статусных руководителя области и Нижнего Новгорода и, на первых порах, Григорий Явлинский, только что закончивший к тому времени вместе со своими коллегами работу над программным документом "Нижегородский пролог", манифестировавшим идеологию регионального прорыва ("ядра роста") (5). В период противостояния ветвей власти в российской столице и в большинстве регионов страны нижегородский Координационный Совет сыграл позитивную роль, способствуя оздоровлению политической атмосферы в области. Довольно скоро, однако, стало ясно, что принцип коллегиальности, заложенный в основу работы Совета, диссонирует с набирающей силу авторитарной тенденцией. Можно утверждать (несколько упрощая, правда, ситуацию за счет абстрагирования от межличностного подтекста отношений в верхнем слое регионального руководства), что в 1993 г. назрела проблема выбора между двумя типами взаимоотношений в региональной политической элите: клановым и клиентельным. Более мощная политическая воля Немцова плюс благоприятное для него стечение обстоятельств предопределили победу второго сценария, что произошло, впрочем, как указано выше, не безболезненно, а через цепь конфликтов, потрясших политическую среду региона.

После окончательного закрепления патрон-клиентского типа отношений на верхнем уровне властной системы региона в местной политике в целом стали все более отчетливо проявлять себя классические черты клиентелизма, и именно это обстоятельство постепенно превратилось едва ли не в главный фактор динамики политических процессов.

Во-первых, естественная количественная ограниченность любой клиентелы, немцовой в том числе, периодически вступала в противоречие с многомерностью политического (а также экономического, социального, культурного) пространства региона и с его (пространства) высокой насыщенностью разнообразными акторами. Личностная окрашенность властных отношений как условие вхождения в правящую группу с неизбежностью порождает в политической практике шлейф таких явлений, как фаворитизм, конформизм, идеологическая сервильность, субъективизм в принятии решений и т. п. Борьба за принадлежность к правящей клиентеле и за возможно более выгодное местоположение в ней, хотя и не замещает собой всех форм политической борьбы, но существенно ограничивает и демотивирует ее. Создается ситуация, при которой пусть и не пресекается кристаллизация полюсов политического влияния за пределами правящей клиентелы, однако же их (таких полюсов) возможное или реальное усиление строго отслеживается и с помощью самых разнообразных средств ограничивается. (После отъезда Немцова в Москву и избрания губернатором области Склярора клиентелистская модель взаимоотношений в правящей группе и вокруг нее сохранилась, лишь приняв более рутинные формы.)

Во-вторых, — и это, видимо, самое главное — возникают барьеры для полноценной нормативно-правовой легитимации важнейших политических процедур, таких как принятие стратегических решений, разделение полномочий между ветвями и уровнями власти, взаимодействие со структурами гражданского общества.

Как первое следствие — оттесняются от эпицентра политического процесса ближе к его периферии органы представительной власти. Хотя суммарный рейтинг влияния депутатов областного Законодательного Собрания (ОЗС) как прошлого, так и, особенно, нынешнего созыва высок, однако деятельность регионального парламента не оснащена должным образом ни в институциональном, ни в нормативно-процессуальном отношениях. ОЗС как институту затруднительно организовать и полноценно обслуживать свои же собственные — декларируемые — политические функции. Сюда же нужно добавить, далее, и недостроенность политической системы региона в части арбитражных инстанций. На сегодняшний день во властной структуре области отсутствуют институты, способные юридически корректно и политически

ответственно выполнять роль арбитра при возникновении противоречий и конфликтов во властной элите региона. Проект создания Уставного суда — регионального аналога Конституционного суда РФ — уже длительное время лежит без движения в комитетах ОЗС. Безусловно, это обстоятельство усиливает предрасположенность политических акторов к авторитарному стилю.

Таким образом, вряд ли можно усомниться в том, что именно авторитарная тенденция доминирует в процессе формирования политического режима в Нижегородской области, так же, как и в других регионах России. Однако нельзя не замечать и важных различий между регионами — как раз с точки зрения возможности легального существования иных, автономных (параллельных или альтернативных) центров властного влияния. Известно, что в современной практике российских регионов в качестве таковых почти никогда не выступают организованные структуры политической оппозиции в виде, например, партий и движений; такую роль оказывают способными выполнять только структуры — или коалиции структур, — обладающие собственной и притом воспроизводимой ресурсной базой. Это могут быть: крупные бюджетообразующие предприятия или региональные филиалы мощных финансово-экономических групп; состоятельные в бюджетном отношении муниципальные образования; конфессиональные или национальные общины; иногда — территориальные подразделения федеральных органов власти; еще реже — отдельные СМИ. Разумеется, обязательным условием политической конкурентоспособности этих или любых других возможных структур является их прочная контролируемость собственным руководством и наличие у последнего политической воли и амбиций.

В отличие от ряда регионов, где политическая оппозиция — реальная или потенциальная — подавляется или, по крайней мере, воспринимается правящей группой как нечто непременно враждебное, как опасная аномалия, в политической жизни Нижегородской области автономные центры влияния окружает атмосфера определенной толерантности. При губернаторе Б. Немцове в отношении политических конкурентов применялась тактика их выдавливания на периферию общественной жизни, причем предпочтение отдавалось методам публичной, а не аппаратной политики. В настоящий момент, после избрания в октябре 1998 г. мэром Нижнего Новгорода Юрия Лебедева — политического оппонента губернатора И. Скларова, — в регионе начинает формироваться весьма, впрочем, распространенная в России модель двухполюсной структуры регионального политического процесса, где системообразующими полюсами выступают администрация области и администрация областного центра.

3. Состояние гражданского общества как инфраструктуры регионального политического процесса

Общеизвестно, что необходимой предпосылкой продуктивного развития политической демократии в ходе политических процессов выступают такие структуры гражданского общества, как негосударственные хозяйствующие субъекты, независимые СМИ, разнообразные некоммерческие объединения (НКО), в том числе — общественно-политического профиля. Не являясь институтами власти, а чаще всего — и вообще политическими субъектами, эти образования выполняют роль необходимой совокупной инфраструктуры политических процессов. Эта роль может реализовываться в разнообразных — и в инструментальных, и в мотивационных, и в нормообразующих, и в иных функциях.

Российские регионы на нынешнем этапе существенно разнятся между собой по уровню развитости структур гражданского общества, каковой параметр является одновременно и важным индикатором общественно-политической авангардности (или, напротив, отсталости) региона, и условием развития регионального политического режима. Ситуация в Нижегородской области в этом отношении неоднозначна: различные сегменты гражданского общества самоорганизованы здесь с разной степенью глубины и гармоничности.

Например, как информационное поле нижегородский регион — один из наиболее развитых в России (помимо Москвы и Санкт-Петербурга), ибо одною из самых развитых является сеть коммуникаций, которой он обладает.

Это выражается, прежде всего, в происходящем в 1990-е годы бурном развитии средств массовой информации. Если в 1991 г. в Нижегородской области выходила 21 областная и городская и около 50 районных газет, то в 1996 г. — 47 областных и городских газет и 52 районные. Огромные перемены произошли за последние годы в нижегородском теле— и радиоэфире. Так, если в 1988 г. в области была одна телестудия — ННТВ — с объемом вещания около двух часов в день, то с января 1997 г. здесь на шести местных каналах работают семь телекомпаний, из них четыре — в метровом диапазоне.

Следует отметить преимущественно экстенсивный характер развития региональных СМИ, т. к. не всегда увеличение количества изданий, радиостанций и телекомпаний, а равно и рост тиражей и объемов вещания, сопровождается творческим и институциональным прогрессом. Принципиально важно, однако, что начиная с 1991 г. региональные СМИ развивались в благо-приятных условиях. Во-первых, в регионе отсутствовали и отсутствуют какие-либо рецидивы (или суррогаты) цензуры. Во-вторых, информационный рынок региона емок и требователен. Наконец, в-третьих, власть, особенно в лице губернатора Б. Немцова, всегда относилась к прессе как к стратегическому союзнику, а в то же время и как к одному из основных инструментов проведения собственной политики. Достаточно сослаться на беспрецедентную открытость администрации области (выражающуюся, например, в открытом для журналистов свободном доступе на еженедельные оперативные совещания или, скажем, в отсутствии процедуры аккредитации). Последнее обстоятельство быстро привело к тому, что источником практически всех новостей в регионе стал нижегородский "Белый дом", а главным "нюсмейкером" неизменно — до отъезда в Москву — оставался Б. Немцов. Популярность местных телеканалов у населения достаточно высока, а большая степень насыщенности регионального телеэфира обуславливает острую конкуренцию между компаниями, что оказывает двойное воздействие на политическую окраску вещания: с одной стороны, при предоставлении эфира чаще преобладают коммерческие, а не идейные мотивы, что исключает возможную дискриминацию каких-то политических направлений; с другой стороны, заметно желание руководителей СМИ, особенно телекомпаний, играть самостоятельную роль в местной политике. В сочетании с их внепартийностью и "безыдейностью" это порождает особый, агрессивно-конформистский стиль политической журналистики, стиль, главная направленность которого — ставить политических акторов, в том числе руководителей региона, перед необходимостью искать способы обеспечения лояльности масс-медиа, в частности и финансовыми средствами. Как бы то ни было, можно утверждать, что в качестве необходимого инфраструктурного элемента регионального политического процесса СМИ региона в целом соответствуют среднедемократическим стандартам и способны обеспечить идеологический плюрализм информационного пространства.

В отличие от масс-медиа, партийно-политическая среда региона на протяжении уже ряда лет находится в состоянии перманентного кризиса и практически не развивается (причины этого частично объяснены выше, в параграфе 2). Последним по времени подтверждением этого факта стало очередное фиаско партийных кандидатов на выборах в Законодательное Собрание области в марте 1998 г., когда среди них получили мандаты только трое (выдвиженка КПРФ С. Барабанова и представители АПР Ежов и Туркин). Неразвитость партийной системы — главный на сегодняшний день институциональный изъян региона.

Неполитические НКО развиваются в регионе в целом неплохо: на январь 1997 г. в Управлении юстиции Нижегородской области было зарегистрировано около тысячи самых разнообразных объединений. Если вычесть из этого числа политические организации (которые в силу отсутствия отдельного законодательства о партиях регистрируются на тех же основаниях, что и любые НКО), а также принять во внимание фактическое прекращение деятельности, по нашим данным, приблизительно одну треть организаций, то реальное число НКО — благотворительных, национальных, профессиональных, женских, молодежных и т. д.

— составит 500-600. Политическое участие НКО носит фрагментарный и, в целом, инфантильный характер; притом, однако, важно отметить, что его протестные, конфронтационные формы никогда не пресекались властями жестко, тем более — с помощью внеправовых средств.

Что же касается субъектов негосударственного сектора региональной экономики и их участия в функционировании местного политического режима, то эта тема слишком многогранна, чтобы трактовать ее мимоходом — а про-по. Поэтому ограничимся здесь лишь необходимой ссылкой на то, что Нижегородская область и, особенно, город Нижний Новгород по темпам и глубине приватизационных процессов всегда входили в группу авангардных регионов, а в некоторых случаях демонстрировали собственные оригинальные подходы к приватизации в тех или иных сферах экономики (7). В сочетании с благоприятным идеологическим и социально-психологическим климатом для развития предпринимательства, созданным как пропагандистскими усилиями властей, так и возрождающимся духом традиционно купеческого края, это обусловило быстрое появление прослойки социально и политически активных бизнесменов, банкиров, менеджеров.

Таким образом, можно сделать вывод, что состояние гражданского общества и его организованных структур в Нижегородской области — так же, как и в целом в стране, — еще далеко от параметров зрелого демократического общества, но в некоторых случаях оно уже является фактором, реально опосредующим отношения населения и власти. Ограниченность же действия этого фактора заключается в том, что его влияние на формирование политического режима в регионе носит преимущественно инструментальный характер и почти никогда — смыслообразующий, программный.

4. Статус региона вовне

Важным элементом трансформации российских регионов в полноценные политические сообщества является процесс их политической самоидентификации, формирование адекватного самосознания как у всего населения, так и у правящей элиты. Значимость этого процесса определяется тем, что он не сводится к образованию еще одного — политического — измерения сознания, а предполагает его (сознания) радикальное реструктурирование. Осознание же себя автономным политическим агентом невозможно без практики разветвленных внешних связей. Внешние контакты способствуют освоению роли политического актора потому, что, во-первых, в них особенно отчетливо проявляется такой важный атрибут любой политической деятельности, как ее представительский характер, а во-вторых, как правило, сама их обстановка, весь антураж развивает и активизирует мышление в собственно политических категориях ("интересы", "переговоры", "партнерство", "конфликты", "компромиссы" и т. п.).

Для Нижегородской области проблема статуса вовне оказалась особенно значимой. Свою роль сыграло то, что до 1991 г. Нижний Новгород (Горький) и вся область были зоной, закрытой для внешнего мира. Это обстоятельство, хотя, в принципе, и малозначащее для повседневной жизни нижегородцев, тем не менее, годами создавало и накапливало социально-психологическое напряжение, исподволь формировало комплекс региональной неполноценности. Поэтому "открытие" города, происшедшее осенью 1991 г., приобрело символический, знаковый характер. Значение этого события усиливалось по мере быстрого расширения межрегиональных и международных связей области, по мере стремительного роста известности Нижнего Новгорода в России и мире. Руководство региона сделало это направление деятельности одним из своих козырей — и не ошиблось: многочисленные социологические опросы на протяжении всех последних лет показывают, что обретение областью популярности и авторитета вовне ("Нижний — третья столица России"), статуса влиятельного субъекта межрегиональных и международных отношений активно одобряется населением и служит важным вектором массового политического сознания.

Говоря о структуре внешних связей регионов, надо иметь в виду и горизонтальные (межрегиональные и международные), и вертикальные (с

федеральным центром) связи. Существует ряд весомых предпосылок, обусловивших активную позицию Нижегородской области и ее руководства по вопросу суверенности субъектов РФ и всему комплексу проблем, связанному с использованием федералистского проекта в программе государственного строительства современной России. И, пожалуй на первом месте среди этих предпосылок - типологическая принадлежность Нижегородской области к группе наиболее сильных, динамичных и самостоятельных российских регионов.

На данный факт стоит взглянуть и в чуть более широком контексте. Практика политической жизни страны последних лет свидетельствует, что сколько-нибудь значимые события, так или иначе замешенные на регионализме, инициируются представителями довольно ограниченной группы субъектов федерации (или же проистекают из каких-либо их действий, будучи в них имплицитными). Во-первых, это — часть субъектов федерации, возникших в границах бывших национально-территориальных автономий; во-вторых — субъекты федерации, где существует особая проблемная ситуация, связанная с какими-либо исключительными особенностями региона (эксклавное положение, тотальная дотационность, хронические структурные патологии в региональной экономике и т. п.).

И, наконец, в-третьих, это субъекты федерации, играющие ключевую роль в национальной экономике и финансах, политической и культурной жизни, способные влиять на формирование внутренней и внешней политики государства, а также кадрового состава институтов центральной власти; наиболее точным, хотя, безусловно, и не исключительным, индикатором принадлежности именно к этому своеобразному клубу является положение региона — донора федерального бюджета. Входит в этот клуб — одним из наиболее активных фигурантов — и Нижегородская область. От руководства области неоднократно исходили важные инициативы общегосударственного значения; нижегородские представители в федеральных органах власти, как правило, активны и деятельны; область как субъект Федерации регулярно пользуется своим правом законодательной инициативы в Федеральном Собрании РФ. Притом, однако, выступая в качестве активного, "звучащего" субъекта Федерации, Нижегородская область на всех этапах выстраивала свои отношения с институтами центральной власти в духе лояльности и толерантности. Такое — отнюдь не повсеместное в современной России — явление объясняется как долгосрочными, так и ситуативными факторами.

К долгосрочным нужно отнести своеобразие склада региональной ментальности нижегородцев. Для нее традиционно характерны твердые этатистские установки, безальтернативность восприятия своей "малой Родины" только как части России, необратимая растворенность регионального патриотизма в общенациональном. Политик, тем более публичный, если он вознамерился поиграть на чувстве регионального эгоизма или сепаратизма, не получит массовой гражданской поддержки в Нижегородской области, что, кстати, неоднократно подтверждалось в ходе различных избирательных кампаний. Эта особенность региона может оцениваться по-разному, но считаться с ней должен любой руководитель, любой политический деятель региона, если он дорожит своей репутацией.

Под ситуативными факторами автор имеет в виду гибкость и маневренность областного руководства во главе с Б. Немцовым, а теперь — и И. Склиаровым. Вовсе не отказываясь от порой тактически выигрышной антимосковской риторики, региональные лидеры всегда тонко ощущали черту, за которой конфронтация с Центром могла бы иметь деструктивные для региона последствия.

В целом представленный аспект важен в нашей теме постольку, поскольку очевидно, что для таких регионов, как Нижегородская область, активная стратегия в сфере внешних связей выступает значимым фактором внутрирегионального политического развития. Можно предположить, что для субъектов Федерации, дальше других продвинувшихся в развитии политической системы региона и обладающих хотя бы небольшими свободными ресурсами, которыми можно подкрепить внешнюю инициативность, развитие межрегиональных и международных связей становится эффективным способом закрепления уже собственно политического статуса регионального руководства.

II. ОСОБЕННОЕ в ОСНОВАНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА в НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Далее, в соответствии с намеченным нами планом, следует обратиться к группе оснований политического режима, характерных для Нижегородской области как для региона определенного типа. Многочисленные и разнообразные свидетельства о региональных политических практиках, в том числе данные электоральной статистики, позволяют отнести Нижегородчину к группе регионов (а) индустриальных, (б) урбанизированных, (в) в значительной степени европеизированных и (г) не обладающих какими-либо выраженными девиантными чертами.

Среди оснований политического режима, актуальных для регионов этой группы, автор считает наиболее важным (хотя, разумеется, не единственным) взаимоотношения директората и власти. Специальное пристальное внимание к различным аспектам, связанным с ролью директората промышленных предприятий в местной политике, совершенно необходимо при исследовании генезиса политического режима в таком регионе, как Нижегородская область. Автор исходит из того, что анализ этих аспектов формирует адекватное видение не только экономических и финансовых основ регионального политического процесса, но и его социальных, идеологических, психологических составляющих. Начиная с 1930-х годов Нижний Новгород, и до того бывший одним из ведущих центров отечественной промышленности, стал одной из основных площадок форсированной социалистической индустриализации, в результате которой регион превратился в средоточие крупных индустриальных объектов, главным образом предприятий машиностроения и металлообработки. К предприятиям дореволюционного происхождения: судостроительным производствам в Сормове, заводу Михельсона (ныне НИТЕЛ), заводу "ЭТНА", заводу Фельзера (ныне АО "Русские моторы") и т. д. прибавились Горьковский автозавод, авиазавод "Сокол", Горьковский машиностроительный завод и другие гиганты индустрии. В 1950-е - 60-е годы была осуществлена также индустриализация ряда городов и иных пунктов области: фактически на пустом месте вырос город "большой химии" Дзержинск, крупные предприятия появились на Бору, в Кстово, Балахне, Арзамасе, Заволжье, Выксе, Лыскове, Богородске, Кулебаках, Навашино.

Одним из последствий индустриализации области стало превращение директорского корпуса в основную элитогенную страту региона. Состав выборных партийных органов всех уровней всегда включал в себя руководителей промышленных предприятий — заводов, фабрик и т. п. Первыми секретарями обкома КПСС начиная с 1930-х годов становились только выходцы из индустрии, обычно — из машиностроительных отраслей. Преобладающая часть студентов высших учебных заведений области обучалась инженерным специальностям. Возложение же на предприятия ответственности за содержание и развитие объектов социальной сферы — эта своеобразная "социалистическая феодализация" производственных отношений, — увеличивая нагрузку на собственно производство, значительно усиливала и разнообразила ресурсы влияния их руководителей. Последние превращались в подлинных патронов, "патриархов" городских кварталов и районов.

Особо необходимо отметить тот факт, что руководители наиболее крупных и значимых предприятий входили в так наз. номенклатуру ЦК КПСС. Это означало, в частности, что вопрос об их назначении-снятии решался не на региональном, а на столичном уровне. И их карьерные амбиции были связаны обычно с переводом в Москву — например, на руководящие должности в соответствующее отраслевое министерство (так, в последнем советском правительстве работало сразу три выдвиженца нижегородской индустрии — К. Катушев, И. Силаев и Н. Пугин). Эти обстоятельства, а также оборонный, а значит — привилегированный в условиях советской экономики характер большинства региональных производств, формировали у крупного нижегородского директората психологию избранности, собственной стратегической значимости. В этой психологии находилось место и специфической инженерской ("технарской") аполитичности "командиров производства". В местные же партийные и советские органы рекрутировались, как правило, вторые-третьи лица предприятий: главные специалисты, начальники цехов, руководители профсоюзных и комсомольских организаций. Традиции "хождения в местную власть" у высшей

хозяйственной номенклатуры не было — она довольствовалась статусно-декоративными местами в Советах разных уровней и выборных партийных органах.

В 1985—1991 гг. директорат держал себя отстраненно по отношению к нараставшему накалу общественно-политической атмосферы, не откликаясь ни на реформаторские, ни на контрреформаторские манки-призывы. Хотя идеи рыночной модернизации производства в тот период, надо признать, не слишком их вдохновляли, тем не менее директора в своей массе не препятствовали политизации работников своих предприятий, несмотря на ее очевидный антирежимный оттенок. Можно утверждать, что именно их (директоров) созерцательно-аполитичная позиция в тот период предопределила и пассивность партийно-советского руководства региона, которое шло за событиями и вяло реагировало на рост оппозиционно-демократических настроений в регионе.

В бурных событиях 1991 г. директорат как сколько-нибудь целостная корпорация не участвовал, хотя отдельные его представители действовали на местной политической сцене как автономные фигуры. Так, директор крупного Горьковского завода аппаратуры связи И. Б. Петяшин в качестве лидера фракции умеренных демократов в областном Совете рассматривался осенью 1991 г. как один из основных претендентов на пост главы исполнительной власти, однако в конце концов уступил связке Немцов — Складов.

При формировании администрации Б. Немцова в конце 1991 — начале 1992 г., как, впрочем, и в дальнейшем, директорский корпус практически не использовался как кадровый ресурс местной власти. (В. М. Шупыро, который перешел в областную администрацию с должности директора завода "Звезда" в небольшом райцентре Вача и сделал затем головокружительную карьеру, заняв кресло первого заместителя председателя ГКИ, объективно не мог принадлежать к директорской элите региона.) Следует заметить, что с началом радикальных гайдаровских реформ мотивация руководителей предприятий к властно-политической карьере еще более ослабла: получив небывалые прежде возможности в части финансово-распорядительных функций при одновременном отмирании прежних форм внешнего и внутреннего контроля за их осуществлением, директора в своей массе сполна использовали открывшиеся возможности для личного обогащения. Это привело, во-первых, к хроническому расхождению интересов руководства предприятий с интересами их коллективов и, соответственно, к отсутствию у директоров мотивации к политическому со-действию с работниками, а во-вторых, к тому, что переход на работу во властные структуры стал означать для руководителя предприятия потерю больших (причем чаще легальных) доходов. Умерила политические амбиции директората и неудача его наиболее авторитетных представителей на выборах в 1989 и 1990 гг. Тогда на выборах народных депутатов СССР и РСФСР потерпели поражение Б. Видяев (ГАЗ), Н. Жарков ("Красное Сормово"), В. Копылов (завод им. Ленина) и некоторые другие директора.

Взаимоотношения регионального руководства с директорским корпусом с конца 1991 г. развивались в нескольких направлениях: (1) экономико-хозяйственном, (2) публично-политическом, (3) идеологическом. Если в 1991 — 1993 гг. последние два доминировали над первым, то начиная с 1994 г. восстанавливается более привычный, традиционный примат первого. Первоначально внимание региональной власти было приковано к созданию структур новой, рыночной экономики. Причем в кадровой политике акцент делался на молодежь: некоторые карьеры юных банкиров и бизнесменов, пользовавшихся поддержкой властей, поражают своей стремительностью и крутостью траектории. В этих условиях директорат довольно быстро разделился на несколько групп по признаку отношения к администрации Б. Немцова. Часть руководителей однозначно приняла линию региональной власти и при любом удобном случае демонстрировала ее публичную политическую поддержку. Выделявшиеся в этой группе С. Митин (завод "Термал") и Володин (завод "Нормаль") заняли устойчивое положение в региональной "партии власти". Другая часть, сплотившись вокруг умеренно-оппозиционной Ассоциации промышленных предприятий (АПП), с разной степенью радикальности критиковала как реформаторскую политику в стране в целом, так и деятельность

Немцовой администрации. Наиболее заметными фигурами в этой группе были лидер АПП В. Лузянин (завод "Гидромаш"), Н. Жарков ("Красное Сормово"). В. Помолов (завод "Сокол"), А. Малышко (завод "Красный якорь"). Наконец, третья часть стремилась в любой ситуации уклониться от политического самовыражения. В целом политические отношения региональной власти и директората в "немцовский" период можно охарактеризовать как настороженный нейтралитет. Он основывался, с одной стороны, на трезвом реализме директората, который, в целом, адекватно оценивал политический потенциал Немцова и не собирался "атаковать мельницы", тем более что политическая оппозиция, как теперь ясно, не смогла ни предложить достаточно привлекательных стратегических альтернатив, ни оказать эффективного содействия в решении практических проблем предприятий, чтобы суметь тем самым залучить директорат в лагерь своих последовательных сторонников. В то же время, с другой стороны, как очень быстро выяснилось, исполнительная власть региона не имеет достаточно эффективных рычагов воздействия на руководителей предприятий. Б. Немцов время от времени, особенно в первые годы своего губернаторства, вступал в конфликты с руководством того или иного предприятия, иногда пытался добиться его увольнения, но дальше кампаний в СМИ дело обычно не заходило. Лишь в двух случаях губернатору удалось снять директоров предприятий, причем в обоих случаях решающими были не политические, а хозяйственные аргументы.

Ключевым сюжетом в развитии отношений региональной власти и директората стал конфликт Б. Немцова с руководством крупнейшего предприятия региона — Горьковского автозавода — в лице его генерального директора Бориса Видяева (ход развития конфликта широко освещался в региональной и центральной прессе). Главным политическим результатом конфликта и его разрешения, ставшего предметным уроком как для администрации Немцова, так и для всего директорского корпуса, стало окончательное "дипломатическое" признание сторонами друг друга. Каждая из сторон осознала реальные границы собственного влияния, а также возможность конструктивного диалога. Возвращение к руководству ГАЗом Н. Пугина, ставшего стратегическим союзником Б. Немцова, укрепило позиции последнего внутри региона, но одновременно и послужило мощным толчком к пересмотру идеологических основ экономической политики региональной власти. Именно с 1994 г. начинается переход от созерцательно-либералистских установок к активной промышленной политике. Правда, свое логическое завершение этот переход получил только с приходом на губернаторскую должность И. Складчина, который уже в ходе избирательной кампании 1997 г. сделал знаковый жест, заявив о том, что первым вице-губернатором он назначит представителя директорского корпуса (им стал впоследствии Александр Батырев — директор завода НИТЕЛ). В значительной степени благодаря поддержке нового губернатора в ходе выборов в Законодательное Собрание области 29 марта 1998 г. Индустриальная элита региона добилась успехов, получив приблизительно Треть депутатских мандатов и вернув тем самым себе прежние формально-статусные позиции.

Правда, результаты тех же выборов закрепили и другую значимую тенденцию: тенденцию изменения состава и внутренней иерархии хозяйственной элиты региона в целом. Во-первых, утвердились в элитном статусе представители новой генерации — предприниматели и банкиры (8 человек, или 17%), да и грань между традиционным директоратом и новыми хозяйственными лидерами становится все менее различимой. Во-вторых, заметно большим, по сравнению с советским периодом, влиянием стали пользоваться руководители инфраструктурных хозяйственных систем (транспорт и дороги, коммуникации, энергетика), что обусловлено действием ряда объективных макроэкономических тенденций.

Подытоживая размышления о роли директората в развитии политического режима в регионе, можно предположить, что трансформации именно его статуса наиболее точно и выразительно представляет взаимосвязь политического режима с ресурсной базой. Именно промышленный директорат (с учетом его вышеуказанных трансформаций) должен быть принят за референтную группу в составе региональной элиты Нижегородской области, т. к. именно он в конечном счете контролирует основную часть процессов воспроизводства и распределения совокупных ресурсов региона.

III. О ЕДИНИЧНОМ В ОСНОВАНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

в НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Обратимся, в завершение статьи, к таким основаниям политического режима, природа которых коренится в неповторимости исторической судьбы любого региона, края, территории. Для Нижегородской области в 1990-е годы среди таких оснований ее политического режима наиболее ощутим, по нашему мнению, "фактор Немцова".

До марта 1997 г. первым лицом области был Борис Немцов, рекомендованный в ноябре 1991 г. областным советом Президенту РФ для утверждения на пост главы областной администрации, а в декабре 1995 г. уже в ходе прямых выборов избранный губернатором Нижегородской области. Б. Немцов интересен тем, что линия его политической судьбы с некоторых пор все больше отклонялась от карьерного стандарта представителей его общественно-политической генерации. В то время как большинство деятелей демократического призыва, материализовавших свои притязания на власть в 1991 г., оказались в конце концов либо вытеснены из большой политики, либо радикально сменили первоначальное амплуа, Б. Немцов не только сохранял стойкую репутацию демократа и реформатора-рыночника, но и продолжал укреплять свои политические позиции. Кроме того, при всем хорошо известном "москвоцентризме" российской политической жизни Немцов всегда умел оставаться в зоне внимания и интереса центральной прессы и столичного политического бомонда. Причем отблески политической славы губернатора падали и на весь регион, поднимая его внешний престиж и уровень самооценки. Его всегда воспринимали как политическую персону не провинциального, а федерального масштаба. К тому же Б. Немцов во все время своего губернаторства оставался, пожалуй, самым известным и популярным за рубежом из руководителей российских регионов. Наконец, с 1991 г. и вплоть до своего отъезда в Москву Немцов неизменно оставался самым популярным у жителей области политиком (после ухода в Правительство РФ его рейтинг начал снижаться, но надо иметь в виду, что средний рейтинг московских политиков, к которым присоединился бывший нижегородский губернатор, всегда был заметно ниже среднего рейтинга местных руководителей).

Уход Немцова в Правительство в марте 1997 г. был неоднозначно воспринят населением области: с одной стороны, он подтвердил в глазах нижегородцев свой высокий, надрегиональный политический статус; но с другой — он отступил от своих же неоднократных деклараций о желании не покидать область до истечения губернаторских полномочий.

Теперь, по прошествии значительного времени и после новых поворотов в личной и политической биографии Бориса Немцова, можно утверждать, что его личность и его политический стиль оказали глубокое и необратимое воздействие на формирование актуального политического режима в регионе. Наиболее принципиальным из "наследия Немцова" представляется следующее: (1) Немцов продемонстрировал региональной элите и всему населению эффективность инструментария современной публичной политики, сломав прежние провинциальные стереотипы восприятия руководителя региона лишь как высокопоставленного администратора; (2) Немцов привил региону вкус к активной внешней политике, резко повысил самооценку жителей области, одновременно подняв планку требований к местным политикам, которые должны теперь что-то представлять из себя и как фигуры федерального уровня; (3) почти вертикальной траекторией своей политической карьеры Немцов доказал возможность быстрого успеха и тем самым раскрепостил инициативу и амбициозность многих людей, особенно молодых, создал дополнительные стимулы к политической деятельности.

1. См.: Анализ тенденций развития регионов России в 1991 — 1996 гг. Политические ориентации населения регионов России. М., 1997. — (Комиссия ЕС); Очерки российской политики (Исследования и наблюдения 1993 - 1994 гг. М., 1994. - (ИГПИ). См также другие издания ИГПИ. См также: Мацузато К. (ред.). Регионы России. Хроника и руководители. Тт. 1 — 4. Саппоро (Япония), 1997 — 1998; Кириллов А. Д. Урал: от Ельцина до Ельцина (Хроника политического развития, 1990 — 1997 гг.). Екатеринбург, 1997. — (Уральский Государственный Университет); Политический

ландшафт России. Бюллетень. Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. М, 1998. — (Московский Центр Карнеги). См. также журнал "Конституционное право: Восточно-Европейское обозрение" за 1997 - 1998 гг. (статьи М. Горфинкеля., О. Зазнаева, С. Фуфаева и др. авторов в рубрике "Российские регионы: конституционное измерение").

2. Материалы экспертного опроса в рамках международного проекта "Сравнительная регионология: Россия — СНГ — Европа". Нижний Новгород, 1997. — (Архив Нижегородского исследовательского фонда).

3. См.: Борисов С. В. (ред. -сост.). Нижегородские выборы-95. Материалы теоретического семинара. Нижний Новгород, 1996. - (ВВАГС).

4. См; Выборы, которые мы проиграли. Сб. статей. Сост. Е. Н. Шаталин, АА. Иудин. Нижний Новгород, 1994. - (СММ).

5. Нижегородский пролог. Нижний Новгород, 1992.

6. Борисов С. В., Сарычев В. В. Третий сектор в Нижегородской области. Факты и размышления. Нижний Новгород, 1997. См. также: Третий сектор-НН. Каталог-обзор. Нижний Новгород, 1996. - ("Образ").

7. Аграрная реформа в Нижегородской области. Стратегия и результаты. Под ред. М. Е. Голышева. Нижний Новгород, 1996. - (ВВАГС); Антюганов С. В., Мелешкин А. К. Механизм приватизации: субъективный фактор. Экспертный социологический анализ. Под ред. АА. Иудина. Нижний Новгород, 1996. — (ВВАГС); Складов И. П. и др. Муниципальная собственность: проблемы управления. Нижний Новгород, 1996. — (ВВАГС).